

УДК 94(574/575)"17/18"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-4.64-82

Участие уральских (яицких) казаков в присоединении Средней Азии к России

А.М. Дубовиков

*Поволжский государственный университет сервиса
Тольятти, Российская Федерация*

В статье показана история участия уральских (до 1775 г. – яицких) казаков в военных походах в Среднюю Азию и в кампаниях по ее завоеванию. Яицкие казаки были первыми русскими, совершившими военные походы в Среднюю Азию. Однако оба эти похода, состоявшиеся в самом начале XVII в., завершились трагически для казаков. В эпоху правления Петра I яицкие казаки участвовали в хивинском походе А.Бековича-Черкасского, но и этот поход закончился гибелью русского отряда. Большую часть XIX в. уральские (бывшие яицкие) казаки принимали активное участие в экспедициях на территории Казахской степи, целью которых было исследование ее территории для определения оптимальных путей будущих походов в Среднюю Азию, а также выбор мест будущих степных укреплений в качестве промежуточных пунктов маршрута и опорных военных баз. В 1839–1840 гг. они составили значительную (и при этом лучшую) часть отряда генерала В. А. Перовского, хотя и эта экспедиция не достигла желаемой цели. Во второй половине XIX в. военные кампании в Средней Азии резко активизировались, и в итоге данный регион удалось включить в состав Российской империи. Во всех этих военных кампаниях уральские казачьи сотни принимали активное участие.

Ключевые слова: уральские (яицкие) казаки, присоединение Средней Азии, поход Нечая, Хивинские походы русской армии, иканское дело, Ахалтекинская экспедиция

Для цитирования: Дубовиков А.М. Участие уральских (яицких) казаков в присоединении Средней Азии к России // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.64–82. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.64-82>

Историческая литература и источники, посвященные участию яицкого (уральского) казачества в присоединении Средней Азии к России, довольно разноплановы. Набегу яицких казаков на Ургенч в 1603 г. посвящен фрагмент книги хивинского хана Абулгази-бахадур, очевидно, записанный им со слов свидетелей тех событий из числа его земляков [14, с.346–358]. Еще одним источником первой половины XVII в. является рассказ бухарцев, записанный русскими послами в Бухарском эмирате [16, с.386]. К устным источникам можно отнести казачий фольклор, прежде

всего – предания, посвященные непосредственно тому самому набегу атамана Нечая на хивинские владения, и краткие рассказы о нем, звучавшие из уст разных авторов, прежде всего, самих уральских (бывших яицких) казаков. Подобные предания в середине века были собраны П.И. Рычковым в его «Топографии Оренбургской губернии» [15, с.286–288]. Среди дореволюционных авторов, проявивших интерес к истории набег атамана Нечая, были не только уральские казаки, но и прочие лица, например, К.М. Бер [2]. Подобные предания передавались и другими авторами. Так, например, П.П. Калитин записал беседу с уральским казачьим полковником А.Л. Гуляевым, который поведал ему эту историю во время Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг. [8, с.95].

Оригинальный текст Абулгази-хана был сравнительно краток и сохранил примерно следующую информацию:

- об отсутствии Араб-Магомет-хана в Ургенче;
- о набеге казаков на незащищенный город;
- о захвате ими богатой добычи;
- о медленном отходе казаков, отягощенных «дуваном»;
- о погоне многочисленного войска, собранного ханом;
- о преграждении казакам пути к отходу и первом сражении с ними;
- об оставлении казаками дувана и их бегстве;
- о новом кровопролитном бое;
- об укрытии остатков отряда в укромном месте и его уничтожении.

Набег Нечая фрагментарно упомянут и у других авторов, посвятивших свои труды истории завоевания Средней Азии – у М.А. Терентьева, А.И. Макшеева и других [5, с.1–2; 11, с.50–57; 13, с.40–41; 18, с.13–15]. Но этот эпизод занимает в их книгах сравнительно малую часть, как небольшой фрагмент из истории завоевания Средней Азии. Несмотря на понесенные казаками Нечая огромные (по их меркам) потери, вскоре они вновь попытались совершить набег на Хиву во главе с новым атаманом Шамаем, который закончился не менее трагически. Сбившись с пути, казаки затерялись в безводной голодной полупустыне, так и не дойдя до границ ханства. Практически все, кому удалось выжить, в итоге оказались в неволе.

Следующим эпизодом яицких казаков в среднеазиатских военных кампаниях было их участие в очередном хивинском походе, состоявшемся в 1717 г. под началом А.Бековича-Черкасского. Там они составили примерно четверть участников, считаясь наиболее подготовленной категорией бойцов для подобных походов. Упомянутые выше авторы в своих трудах не обошли вниманием ни кампанию Бековича, ни ее участников.

Если поход Нечая не преследовал никаких других целей, кроме захвата добычи, и был предпринят по инициативе самой казачьей общины, то поход Бековича состоялся в соответствии с решением царя Петра I. От хивинца Ходжи-Нефеса и некоторых других лиц царю поступила информация о том, что в прежние времена у Амударьи имелось иное русло, ве-

дущее в Каспийское, а не в Аральское море. Старое русло якобы было перекрыто и пересохло, но его можно восстановить, и это значительно облегчит торговлю со Средней Азией и даже с Индией.

Крещеному черкесскому князю Александру Бековичу-Черкасскому было поручено склонить к русскому подданству хивинского хана. Для этого в его ведение был выделен отряд численностью около семи тысяч человек, а именно: 3727 солдат, 1500 яицких казаков, 617 драгунов, 500 гребенских казаков.

При них имелись плавсредства и орудия, для чего при отряде также находились 232 человека морской команды и 26 артиллеристов [7, с.22].

Бой, длившийся несколько суток близ границы ханства, не принес хану успеха, несмотря на многократное численное превосходство хивинцев (при этом намного хуже вооруженных). Тогда хан пошел на переговоры, делая вид, что готов принять условия русской стороны. Русский отряд был разделен на 4 или 5 частей и рассредоточен в разных селениях. Сделано это было якобы для удобства. Однако ранним утром хивинцы вероломно напали на еще спавших противников, перебив по частям весь отряд. Чудом спастись смогли лишь несколько человек. И если Федор Емельянов и Михайло Белотёлкин смогли чудом добраться до родных мест самостоятельно, то остальные были выкуплены из плена только благодаря посредничеству. Двое первых по возвращении были вызваны для дачи показаний к казанскому губернатору Петру Салтыкову, в чьем ведении тогда находилось Яицкое войско.

Среди тех, кто оказал помощь в освобождении казаков, были люди богатые или знатные из числа калмыков, астраханских татар и прочих. Так, например, с их помощью вернулись на родину Андрей Бородин, Иван Железнов, Григорий Иванов, Михайло Степанов. Ценные документы о том неудачном походе собрал и опубликовал в своей книге «Уральцы» казачий офицер, краевед и писатель Ахилл Бонифатьевич Карпов [9, с.75–80, 98–101].

События 1717 г. стали горьким опытом, после которого российская власть сделала для себя выводы. Во-первых, необходимо хорошее знание местности, по которой предстоит двигаться. Во-вторых, следовало сделать выбор маршрута. Какой выбрать – западный или восточный? Западный путь – это со стороны берегов Урала и Каспия, и далее – в бассейн Амударьи. Другой путь, восточный – со стороны Иртыша – и далее на запад, в сторону бассейна Сырдарьи.

На пути в Среднюю Азию следовало создать инфраструктуру, в виде опорных пунктов, на которые можно было бы опираться, продвигаясь вглубь Казахской степи. Это должны были быть укрепления, в которых надо было разместить все необходимые для дальнейшего продвижения войска запасы: продовольствие, боеприпасы, лекарства и места, где заболевшим и раненым можно будет оказать медицинскую помощь, и, при необходимости, оставить их там. Казахская степь являлась протяженной

границей между российскими владениями и землями среднеазиатских правителей. А так как значительная территория имела мало источников пресной воды, пригодной для питья, то степные укрепления следовало возводить там, где проблем с питьевой водой не было. Кроме того, ввиду дефицита леса, в этих укреплениях следовало иметь запасы древесины.

В период с середины XVIII до первой половины XIX века большинство казахской знати перешло в русское подданство. Однако это вовсе не значило, что в Казахской степи воцарилась тишина. Во-первых, там всегда было много никому не подотчетных шаек, промышлявших грабежами и разбоями. Во-вторых, между самими представителями знати нередко шла борьба за власть и влияние на местном уровне. В-третьих, многие представители казахской знати, хотя и признали русскую власть, но сделали это вынужденно, на самом деле были готовы тайно поддерживать ее врагов. В силу этих причин, все укрепления следовало оборудовать надежными фортификационными сооружениями и орудиями, разместив в них гарнизоны, способные дать отпор любым шайкам.

Конечно, среди представителей казахской знати было немало и тех, кто верно служил русским властям, совместно с которыми активно участвовал в подавлении волнений и в установлении порядка в Казахской степи. Яркий тому пример – султан «Малой Орды» (или «Младшего жуза», «Киши жуза») Мухаммед Айчуваков.

Наибольшее беспокойство русским властям всегда доставлял род «адай» (или – адаевцы), чьи кочевья располагались в низовье Яика и Эмбы, а также на северо-восточном берегу Каспия, включая Мангышлак. Поэтому русские военные экспедиции первой половины XIX в., действовавшие в Казахской степи после завершения наполеоновских войн, были вынуждены совмещать две функции – проводить рекогносцировку местности для будущего продвижения на юг и подавлять волнения недовольных казахских старшин, сопротивлявшихся действиям русской администрации, и верных ей представителей казахской верхушки. В этом плане надо отметить действия экспедиций Григория Федоровича Генса, Максима Тимофеевича Дренякина и других. Но особо следует отметить заслуги полковника Ф.Ф. Берга. Именно он, исследовав «западный» путь, и, проведя необходимые барометрические замеры территорий между Каспием и Аралом, предложил его в качестве основного и более предпочтительного. Практически во всех указанных экспедициях участвовали уральские (бывшие яицкие) казаки, в большем или меньшем числе.

Экспедиция полковника Ф.Берга отправилась в Казахскую степь в 1824 г. Из примерно двух тысяч ее участников более половины (1200 человек) были уральскими казаками. Еще четыреста казаков принадлежали Оренбургскому войску. Кроме пятисот солдат там также присутствовала группа гражданских специалистов (геодезисты, картографы и т.п.). Отряд совместил исследовательскую деятельность с «наказанием» рода адаевцев, совершивших серию разбойных нападений на российские владения [7,

с.16–18, 53]. На западном пути, выбранном Ф.Бергом, несколько позже (к лету 1839 г.) оборудовали Эмбенское и Ак-Булакское укрепления (в урочищах Аты-Якши и Чушка-Куль) [6, с.26–28].

В начале весны 1825 г., после того как завершилась экспедиция Ф.Берга, полковник Щапов с 500 уральскими казаками при двух орудиях выдвинулся из Кош-Уральского (бывшего Кош-Яицкого) форпоста для подавления волнений адаевцев, которых возглавил некто Юлашан. Часть мятежников была перебита, часть – разбежалась, часть – попала в плен.

Летом 1831 г. для дальнейшей рекогносцировки местности со стороны Оренбургской линии выступил полковник Г.Генс, взяв сотню оренбургских казаков, три сотни башкирцев, полусотню регулярной конницы. Параллельно подвергались репрессиям аулы мятежных казахских родов.

В 1833 г. на восточном берегу Каспия (на Мангышлаке) было возведено Ново-Александровское укрепление, позже перенесенное на мыс Тюк-Караган и ставшее «Фортом Александровым».

Тем не менее, грабительские набеги на приграничные районы, захват людей, скота и прочих ценностей не прекращался. Самой дерзкой акцией адаевцев стал налет на русские владения в северной части Каспия в 1836 г., после чего в неволю попали порядка 2000 человек, включая смотрителя эмбенских вод и других государственных служащих, не считая погибших при захвате и дальнейшей «транспортировке». Эту вылазку адаевцы совершили совместно с туркменами-йомудами, которые среди прочих туркмен также считались самым воинственным и никому неподконтрольным племенем.

Ответом стала зимняя экспедиция того же года, которую возглавил полковник Александр Павлович Мансуров. Все ее участники были уральскими казаками: один штаб-офицер, 10 обер-офицеров, 9 урядников и 530 казаков. Это событие детально описал казачий офицер Н.Г. Мякушин в своей работе «Секретная экспедиция уральских казаков» [12]. Экспедиция выдвинулась из Гурьева-городка в декабре по льду Каспия в направлении полуострова Бузачи, где зимовали участники недавних разбойных акций. По пути казаки зашли в недавно основанное на побережье укрепление Ново-Александровское, где несли службу их земляки, чтобы пополнить запасы продовольствия. Приход русских в зимнее время стал для адаевцев неожиданностью. По словам Н.Мякушина, появление казаков «до того ошеломило хищников, что они вначале не верили своим глазам». Их попытки оказать сопротивление чередовались с хаосом и паникой. Казачий автор отметил, что адаевцев «поражали пулями, кололи пиками, рубили шашками и топтали конями». Некоторым все же удавалось бежать, взобравшись на неоседланных лошадей. Но и среди них мало кому в итоге посчастливилось спастись: «Во время энергичного преследования опять произошла горячая схватка, где под ударами казачьих шашек и от пик сложили головы и те, которым все-таки удалось пробраться». Если среди беглецов попадались раненые, то и им не удавалось далеко уйти, так как они, «обесси-

ленные потерей крови, падая с лошади, умирали тут же на дороге». Не спасались даже те, кто смог добраться до соседних аулов своих соплеменников, так как на полуострове Бузачи экспедиция не закончилась и была продолжена. Н.Мякушин сообщает, что, покинув полуостров, казаки Мансурова разделились на два отряда, продолжив рейд в разных направлениях. «Целых две недели колонны эти были в непрерывном движении, преследуя, настигая и поражая бегущие аулы джеменеевцев, считавшимися самыми воинственными и самыми разбойничьими племенами во всем адаевском роде», – далее пишет Н.Мякушин. Только колонна самого Мансурова настигла и истребила еще два аула [12, с.27–28].

Следующей крупной попыткой русских продвинуться в Среднюю Азию стал зимний поход В.А. Перовского конца 1839 – начала 1840 г. В отличие от набега Нечая или похода Бековича, у него была иная цель, а точнее – две цели. Первая – обезопасить рубежи страны от набегов. Вторая была связана с так называемой «большой игрой», не так давно начавшейся с Британской империей, активно стремившейся проникнуть в среднеазиатский регион со стороны Индии.

Идея похода исходила от В.Перовского и была представлена царю как его личная инициатива. Незадолго до похода оренбургский губернатор и Николай I встретились в столице, где, выслушав В.Перовского, император дал ему свое добро.

К сожалению, В.Перовскому не повезло с погодой. Зима 1839/1840 г. оказалась аномально холодной для тех краев, что признавали все местные старожилы. В итоге участники похода страдали от морозов и нехватки топлива для обогрева и приготовления еды. Морозы стали также причиной массовой гибели верблюдов, перевозивших их грузы. Однако уральские казаки, в отличие от всех прочих участников похода, всегда имели молодеватый вид, что признавали практически все авторы, участвовавшие в той кампании. Кроме уже упомянутого М.И. Иванина, можно отметить В.И. Даля [4] и Е.М. Косырева [10]. Все они сошлись во мнении, что причинами неудач стал ошибочный выбор маршрута, а также его промежуточных пунктов (двух укреплений) и времени года. Также в качестве причины называлась плохая организация, включая вопросы снабжения и подготовки участников кампании. Уральских казаков это не касалось; речь шла, прежде всего, об Оренбургских линейных батальонах. Изначально отряд Перовского насчитывал порядка шести тысяч человек, включая 1250 уральских казаков (два полка и небольшие команды). Среди них за все время похода умерли лишь несколько человек, тогда как общее число умерших к концу кампании перевалило за тысячу [6, с.129–130].

Уральские казаки и их начальство оказались единственной категорией участников экспедиции, настойчиво изъявлявшей желание завершить поход взятием Хивы, а не возвращением обратно без боя, не дойдя до намеченного ранее пункта маршрута. С большим трудом В.Перовскому уда-

лось уговорить их командира, полковника Федота Григорьевича Бизянова, что продолжение похода невозможно.

М.Иванин участвовал в том походе в качестве начальника штаба В.Перовского. В своей книге он провел краткий экскурс в историю походов в Среднюю Азию, ни забыв про уральских (яицких) казаков.

Зимней кампании В.Перовского посвящен целый ряд прочих интересных работ, авторы которых также признали уральских казаков лучшей категорией участников похода. Это отметили и В.Даль, и Е.Косырев, и даже И.Н. Захарьин (хотя он не был участником похода, и недолюбливал уральских казаков).

Неудачный поход показал, что нужно что-то менять. Два укрепления, через которые двигалась экспедиция Перовского, вскоре были упразднены, так как выбор их мест был признан неудачным. Единственным укреплением на западном направлении, в котором продолжали нести службу уральские казаки, был Александровский форт (Ново-Александровское укрепление).

Возникла идея продвижения с восточного направления, но затем она была скорректирована, и было решено продвигаться в Среднюю Азию сразу со всех направлений. В западной части Казахской степи уже в начале 1840-х гг. началось возведение Иргизского и Тургайского укреплений, названных так по речкам, на берегах которых их заложили. При этом официально они стали называться «Уральским» и «Оренбургским» соответственно, поскольку службу в них несли казаки двух этих войск. Строительство укреплений завершилось в 1845 г.

Параллельно строились укрепления в восточной части Казахской степи. В частности, в 1847 г. на берегу Сырдарьи было построено Раимское укрепление, часть гарнизона которого также составили казаки Уральского войска.

Просуществовав восемь лет, Раимское укрепление было упразднено. В связи с меняющейся тактико-политической ситуацией стало целесообразно переместить его южнее, вверх по течению Сырдарьи, где возникло уже новое укрепление, названное Казалинским. Приближение к кокандским границам вызывало серьезные опасения у обитателей и правителей ханства. С одной стороны, они понимали, что русские на этом не останутся. С другой стороны, из-под их контроля выходили местные казахи, которых кокандцы считали своими данниками и нещадно обирали.

В конце концов, кокандцы решили действовать первыми, дабы скорее изгнать русских с берегов Сырдарьи. Крупное сражение состоялось в 1850 г. на местности, которую здешние называли Коп-суат. В русском отряде находились три сотни уральских казаков, которыми командовал войсковой старшина Ксенофонт Фокеевич Бородин.

В итоге победа осталась за русскими. Немалую лепту внесли в нее и уральские казаки, живым примером для которых был их командир, а враг понес серьезные потери.

Следующим шагом и логическим продолжением происходившего было взятие крепости Ак-мечеть, расположенной неподалеку, которое возглавил сам В.Перовский, вновь занявший пост оренбургского военного губернатора. Инициатива опять исходила лично от него, поскольку он очень жаждал взять реванш за неудачную зимнюю кампанию 1839/1840 г. Ак-мечеть была подвергнута мощнейшему круглосуточному обстрелу. «Хотите остаться живы – просите пощады, хотите умереть в Ак-Мечети – и это в вашей воле», – обратился он к защитникам крепости¹. Крепость, ставшая фортом Перовским, была взята с минимальными потерями.

Был конец 1853 г., уже полыхала Крымская война. Ополчившиеся против России ведущие империи мира решили вести войну с Россией по всему ее периметру. Содержать крупные силы в районе Сырдарьи в таких условиях не представлялось возможным. Поэтому гарнизон бывшей Ак-мечети был сравнительно немногочислен, а возглавлял его бывший командир 5-го Оренбургского линейного батальона, подполковник Михаил Васильевич Огарёв. Несколько дней русских осаждало 12-тысячное войско кокандцев во главе с Касымом и Сужебеком, но все атаки противника удавалось отбивать.

Бесконечно находиться в осаде русские не могли, а потому решились на отчаянный шаг. Отбив очередную атаку, ранним утром следующего дня они, воспользовавшись сильным туманом, сделали неожиданную вылазку, создав замешательство в стане врага. После кровопролитного, но недолгого боя, противник обратился в бегство, бросив орудия, боеприпасы, провиант и прочее имущество. При гарнизоне имелись две уральские казачьи сотни есаулов Василия Ивановича Михайлова и Михаила Гурьяновича Щапова. Обе они приняли в той смелой вылазке активное участие. В том бою М.Щапов получил более десятка сабельных ран.

Это было последнее крупное сражение в Средней Азии вплоть до 1864 г.

Первым городом, взятым в том же году, был Туркестан. Крепость была хорошо укреплена; несмотря на ее непрерывный артобстрел, в том числе и стенобитными ядрами², стены ее устояли «по причине своей толщины», хотя и «гребень стен сбит во многих местах»³. Надеясь на прочность своих стен и на скорый подход помощи, правитель Туркестана рассчитывал удержать город и отбросить русских [17, с.154].

Однако оборона Туркестана, как и оборона Ак-мечети десятилетием ранее, оказалось не столь упорной. Правда, однажды осажденные все же отважились сделать вылазку, но были отбиты, понеся значительные потери. Участвовавшая в осаде крепости уральская казачья сотня встретила

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.1441. Оп.1. Д.58. Л.155.

² РГВИА. Ф.1441. Оп.1. Д.58. Л.13.

³ Там же. Л.6.

противника, заняв правый фланг русских (левый фланг заняли оренбургские казаки). Используя «ракетные станки», уральская сотня привела атакующих ее кокандцев «в окончательное расстройство»⁴. В ходе осады и штурма города русские потеряли пятерых погибших и 24 раненых. При чем ранения в основном были легкие⁵.

В Туркестан для укрепления его обороны прибыла уральская казачья сотня есаула Василия Родионовича (по другой версии, его точное отчество – Иродионович) Серова, вооруженная винтовками нового образца, которых в Туркестане пока еще не было ни у кого. Вскоре после прибытия в крепость сотня В.Серова получила приказ: найти и уничтожить кокандскую «шайку», действующую где-то поблизости. Казаки получили большое количество патронов, с ними были отправлены несколько артиллеристов и небольшая гладкоствольная пушка («единорог»). У селения Старый Икан сотня обнаружила кокандцев и приготовилась к бою, спустившись в небольшой овраг, сбатовав лошадей и заняв оборону. Но, как оказалось, это были лишь передовые войска кокандского правителя Алимкула (опекуна при малолетнем хане), насчитывавшего от 10 до 12 тысяч сарбазов⁶ – с этими силами Алимкул шел отвоевывать Туркестан.

Атаки и перестрелки с кокандцами велись непрерывно в течение трех суток – с 4 по 6 декабря 1864 г. включительно. У замерзших и голодных казаков не оставалось иного выхода, кроме как прорваться в крепость к своим, хотя они прекрасно понимали, что пробиться смогут далеко не все. Выйдя из своего укрытия, они, уставшие и обессиленные, медленным шагом двинулись в направлении Туркестана. В конце концов, казаки пешим строем направились в крепость, до которой было порядка восьми верст [29, с.38].

Противник осыпал казаков градом пуль, а те в ответ пытались отвечать редкими залпами, ибо соотношение сил было несопоставимо. Каждый раз, когда падал очередной казак, сосед подбирал (и, при необходимости, ломал) его винтовку, чтобы она не досталась врагу.

Кокандцы продвигались вслед за казаками, и каждый из них, приблизившись к лежащему на земле мертвому или умирающему казаку, бросался первым отрубить тому голову, дабы она стала свидетельством храбрости сарбаза.

Комендант крепости, ссылаясь на малочисленность русского гарнизона (и враждебное к нему отношение местных жителей), отказывался посылать солдат на выручку казачьей сотни, о чем его просил поручик Л.С. Алексеев. Но, услышав приближающуюся перестрелку, он был вынужден выполнить просьбу поручика.

⁴ РГВИА. Ф.1441. Оп.1. Д.58. Л.5.

⁵ Там же. Л.2.

⁶ Сарбаз (буквально: «рискующий головой» – перс.) – пехотинец в персидской армии и в армиях среднеазиатских государств XIX в.

Кокандские потери убитыми и ранеными в том бою достигли двух тысяч, после чего о штурме Туркестана не могло быть и речи. Враг ушел, предварительно сорвав злобу на обезглавленных казачьих трупах, пока остававшихся на поле боя (после ухода Алимкула были похоронены в братской могиле).

В донесении коменданту Туркестана командир «иканцев» есаул В.Серов оценил своих подопечных такими словами: «Эта храбрая горсть, пробиваясь между тысяч неприятеля, несмотря на сильный холод, побросала с себя последнюю одежду, и, вся измученная и израненная, шла в одних рубашках, с ружьем в руках, кровью обливая свой путь» [1, с.802]. И В.Серов, и уцелевшие казаки его сотни продолжили свою дальнейшую службу в Средней Азии.

Одна из площадей старого Уральска была названа «Иканской». Близу Туркестана, на месте, где происходили те героические события, возвели памятник. Брат погибшего под Махрамом Александра Хорошхина, Михаил, ставший потом генералом, был уверен, что когда «картину нашего завоевания Туркестанского края» напишет «будущий историк», то в ней «геройский подвиг сотни Серова» станет «блестеть как яркая звезда» [29, с.44]. Л.С. Алексеев не сомневался, что не только уральские казаки, но и все русское воинство будет бережно хранить память тех героев. «Много пройдет времени, много воды утечет, и все еще будут указывать на небольшой курган, где богатыри сложили свои кости», – писал он [1, с.803]. Но эти предсказания не сбылись. Герои среднеазиатских военных кампаний стали у большевиков соучастниками «преступлений царизма», память о них активно стала вытравливаться, памятники уничтожаться, названные в их честь улицы и площади были переименованы. С распадом СССР в узбекском Икане и казахстанском Уральске отношение к ним изменилось не в лучшую, а еще в более худшую сторону.

В следующем, 1865 году, уральские казаки приняли участие во взятии Ташкента. После Кокандского ханства наступила очередь Бухарского эмирата.

Свидетельством героизма казаков могут служить их награды. Так, например, за отличия в бою с бухарцами при урочище Мурза-Рабат» (апрель 1866 г.) орденом Святого Станислава 3-й степени («для магометан») был награжден сотник Курбан Баукаев. Вскоре К.Баукаев получил очередную «Анну» (3-й степени). Другой офицер Уральского войска, хорунжий Бородин 2-й, за «урочище Мурза-Рабат» был удостоен «Анны 4-й степени». Не были забыты и нижние чины.

Основной их наградой был «Знак отличия Военного Ордена», в простонародии называемый «Георгиевским крестом» (который не следует путать с Орденом Св. Георгия, предназначенном для награждений офицеров). Эту награду 4-й степени получили рядовые казаки Бухар Хусаинов, Кузьма Шелунов, Афанасий Соколов, Иван Логинов, Евстигней Рожков, урядники Фотий Албин и Матвей Логинов [19; 22; 23].

Наказным атаманом Уральского войска в течение нескольких месяцев 1865 г. был генерал-майор Дмитрий Ильич Романовский (в 1866–1867 гг. – губернатор Туркестанской области). Он же в начале мая 1866 г. командовал русскими отрядами во время битвы при урочище Ирджар (близ г. Джизака). Русским противостояла сорокатысячная армия во главе с самим бухарским эмиром. Решающую роль в исходе того сражения сыграл сводный уральско-оренбургский казачий отряд, состоявший из отдельных сотен Уральского казачьего войска. Сотни возглавляли сотник Чертогоров, есаулы Поликарпов и Голунов.

Обращенных в паническое бегство бухарцев вплоть до самых Джизакских гор преследовала казачья кавалерия, позже принявшая участие в дележе богатых трофеев, брошенных противником.

«Анну 3-й степени» получили Поликарпов и Голунов, «Анну 4-й степени» – Чертогоров. Награды получили и офицеры их сотен – хорунжие Кириллов и Назаров, оба – Станислава 3-й степени [19; 22; 23]. Поощрены были и многие нижние чины – Иван Прикашиков, Михаил Попов, Прокопий Митрясов, Ефрем Копеечкин и десятки других (всего 26 рядовых казаков и 11 урядников). Почти все нижние чины получили Знаки отличия Военного ордена, а четверо поощрены денежными премиями от 5 до 10 рублей. Урядник Прикашиков, награжденный Знаком отличия Военного Ордена, будучи потомственным дворянином, в том же году стал офицером (был произведен в хорунжие) [26]. К очередным чинам были представлены и упомянутые выше офицеры: Голунов и Поликарпов стали войсковыми старшинами, сотник Чертогоров – есаулом, хорунжие Назаров и Кириллов стали сотниками. Вскоре Голунов возглавил Наусский и Ходжентский районы Туркестанской области.

Вообще, кампания 1866 г. была богата на награды и поощрения. Только за весенние бои список награжденных лиц быстро пополнился. К награжденным офицерам добавились есаул Марков, занявший должность при штабе войск Туркестанской области (получил «Станислава» 3-й степени), есаул Колесников (получил «Анну» 4-й степени). Очередных наград были удостоены сотник (недавний хорунжий) Бородин 2-й (получил Станислава 3-й степени) и урядник (недавний рядовой) Евстигней Рожков (Знак отличия Военного Ордена 3-й степени). Различных наград удостоились урядники Степан Калентьев, Никифор Солонихин, Александр Мазанов, казаки Павел Мазанов, Григорий Чорокаев и Никифор Абоимов.

Той же осенью русские взяли Джизак и Ура-Тюбе. И вновь уральские казаки отличились в лучшую сторону. Знаками отличия Военного Ордена были награждены Лаврентий Азовсков и Трофим Федулеев. Многие рядовые казаки в качестве поощрения получили урядничьи чины, даже при отсутствии урядничьих должностей. Так, урядниками стали Ефим Мякушин, Семен Шапошников, Ларион Токарев, Иван Гузиков, Петр Водолазов, Петр Михеев, Петр Левин, Павел Мазанов, Петр Мурзин [20; 23; 25; 26; 27].

Полковник Феофилакт Сергеевич Железнов, командир 1-го эскадрона лейб-гвардейского уральского казачьего дивизиона, несшего службу в столице, знакомя казаков с особенностями войны в условиях Средней Азии, учил их быстро спешиваться и батовать лошадей, считая, что привычная им атака конной лавой в азиатских условиях мало пригодна. Наказной атаман Николай Александрович Верёвкин имел на этот счет иное мнение. «Многие полагают, что при действии в виде кавалерии нам было бы труднее справляться с азиатцами. Могу уверить вас, господа, что такое мнение совершенно лишено основания», – считал он [21; 26].

В 1867–1868 гг. казаки-уральцы принимали участие в боях под Яны-Курганом, Зеравшаном, Самаркандом, Ургатом, Ката-Курганом и в других сражениях. Вновь представлять всех отличившихся в боях не представляется возможным, поскольку информация для статьи будет слишком обширной.

Следует добавить, что, по словам наказного атамана Верёвкина, сказанных им летом 1867 г., к чести его подопечных, никто из них, воюя в Средней Азии, на тот момент не запятнал себя мародерствами и грабежами [24]. Возможно, атаман не был в достаточной степени объективен, но, во всяком случае, если подобные явления и случались, то они явно не носили массового характера.

В 1869–1870 гг. активность уральских казаков в Средней Азии несколько снизилась, и тому была серьезная причина. С 1869 г. вступала в силу реформа административного управления, затронувшая и Казахскую («Киргизскую») степь. Эта реформа стала поводом к серьезным волнениям, подогреваемым частью казахской знати и частью исламского духовенства. Подстрекательством активно занимались и заезжие хивинские эмиссары. Наиболее крупные волнения вспыхнули в Младшем казахском жузе («Малой киргизской Орде»). Они всколыхнули весь запад Казахской степи. Особую активность проявлял род «адай», осадивший расположенный на Мангышлаке Александровский форт, гарнизон которого был укомплектован уральскими казаками. Попытка мангышлакского пристава подполковника Николая Михайловича Рукина выехать вместе с полусотней уральских казаков на переговоры с вооруженными адаевцами, численность которых достигала десяти тысяч, закончилась гибелью русского отряда и самого пристава.

Уральские казаки не только приняли активное участие в подавлении волнений, но начали нести службу в Уильском укреплении, только что возведенном в Тургайской степи. В распоряжение коменданта укрепления, барона Ф.К. фон Штемпеля поступили две уральские сотни.

В 1870 г. уральцы более активно включились в среднеазиатские дела, нежели в предыдущем году. В конце лета они приняли участие в походе генерала Александра Константиновича Абрамова в Шахрисабский оазис⁷.

В 1873 г. наступил черед Хивинского ханства, которое более прочих среднеазиатских государств доставляло беспокойства России. В хивинской кампании принял участие даже сам наказной атаман Н.А. Верёвкин, временно передавший свои полномочия генерал-майору Константину Федотовичу Бизянову⁸. На Хиву выступили 4 колонны: Оренбургский, Ташкентский, Мангышлакский и Красноводский отряды. Последний из них дойти до Хивы не смог; жара, дефицит воды и постоянные нападения адаевцев и йомудов (одного из туркменских племен) заставили его вернуться обратно.

На Мангышлаке после 1870 г. уральские казаки службу больше не несли, приставство было выведено из состава новообразованной Уральской области и передано Кавказскому наместничеству. Поэтому Мангышлакский отряд был укомплектован войсками Кавказского ведомства. Уральские сотни присутствовали в двух остальных отрядах – Оренбургском и Ташкентском (три и две соответственно). Командиром одной из сотен Оренбургского отряда был есаул Александр Гуляев. К тому времени он, несмотря на молодой возраст, уже имел серьезный боевой опыт, полученный в Средней Азии. А позже он возглавлял земляков во время Ахалтекинской экспедиции. Не менее опытным офицером был и Александр Хорошхин, командовавший уральскими казаками Туркестанского отряда. Одну из его сотен возглавлял есаул Хлебников, вторую – войсковой старшина Криденер (уральским казаком он, судя по фамилии, точно не являлся). Хива была взята сравнительно легко, на это потребовалось лишь два дня. Гораздо сложнее было до нее добраться. «Наши труды, наша борьба с природой составляют предмет удивления Европы, и настоящие успехи нашего оружия вполне вознаградили неудачи Бековича и Перовского», – отметил А.П. Хорошхин [28, с.473].

Свое приветственное письмо, посвященное взятию Хивы, российскому императору отправило полиэтничное оренбургское купечество, тем самым показав, что присоединение Хивинского ханства к России соответствует и их интересам⁹ (впрочем, ханство формально осталось самостоятельным, но под российским протекторатом, причем, территория его уменьшилась).

Кокандский хан Худояр, ранее признавший российскую власть, в 1875 г. был свергнут лидером племени кипчаков Абдуррахманом, посадившим на ханский престол сына Худояра, Насреддина, отказавшегося от

⁷ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.6. Оп.10. Д.8394. Л.16–17.

⁸ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.8394. Л.1–6.

⁹ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.8406. Л.1–3.

русского подданства. Вновь начались военные действия – под Кокандом, Андижаном, Наманганом, Балычки и в других местах. Уральские казачьи сотни, в большем или меньшем количестве, участвовали практически во всех битвах той кампании. В конце лета того же года был взят Махрам. Под Махрамом действовали три уральские казачьи сотни, но при взятии города наиболее отличилась сотня есаула В.И. Жигалина. После Махрама были взяты Коканд, Андижан, Туракуртан, Наманган, Балычки. К сожалению, под Махрамом героически погиб подполковник Уральского казачьего войска – поэт, писатель и журналист Александр Хорошхин. Двумя годами ранее он был членом ханского «дивана» в Хиве, после ее взятия, являясь единственным русским членом дивана, способным общаться с хивинцами на их языке. В начале 1876 г. русские были вынуждены брать Андижан и Коканд повторно. В апреле того же года завершением кампании стало сражение близ Янгиарыка.

Уральские казаки присутствовали и в отряде, направленном в Алайские горы, расположенные в Ферганской области. Официально в приказе целью похода было объявлено «*истребление разбойничьих кипчакских шаек*»¹⁰.

В 1879 г. пришел черед Ахалтекинского оазиса, обитатели которого формально не подчинялись никому – ни хивинским, ни каким-либо еще властям. Но первая попытка похода в оазис и взятия главной ахалтекинской крепости Геок-Тепе не удалась (в ней участвовали три сотни уральских казаков). Новая попытка была предпринята в следующем году. Один из отрядов возглавил полковник А.Н. Куропаткин – командир Туркестанской стрелковой бригады. В него вошли три роты солдат и двухсотенный уральско-оренбургский казачий дивизион, который возглавлял ранее уже упомянутый А.Гуляев, к тому времени – уральский казачий полковник. Непосредственно уральскую сотню возглавил войсковой старшина Г.О. Бородин¹¹. Генерал-адъютант М.Д. Скобелев, тогда – командующий войсками Закаспийского края, был знаком с А.Гуляевым по хивинской кампании. Он хорошо знал и казаков-уральцев, как по разным среднеазиатским кампаниям, так и по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и высоко ценил их [3, с.33–34].

Первый крупный бой произошел в ходе штурма крепости Янги-кала в канун Рождества. Высокое боевое мастерство показали многие офицеры, в том числе и офицеры Уральской сотни (не потерявшей ни одного казака) – Бородин, Буренин и Кунаковсков [3, с.37–45].

¹⁰ Видимо, под кипчаками тут следует подразумевать киргизов, составлявших основной контингент обитателей Алайских гор.

¹¹ Чин войскового старшины тогда приравнивался к чину майора, который в 1884 г. был упразднен, но чин подполковника был упразднен только у казаков; после этого чин войскового старшины стал соответствовать армейскому подполковнику.

Взятие Геок-тепе далось не так легко. Текинцы дрались отчаянно, делая вылазки, несмотря то, что их вооружение значительно уступало оружию русских. Единственное, в чем они имели превосходство – это лошади; поэтому вступать с ними в конный бой было слишком опасно, а преследовать их всадников – бесполезно.

Решающий штурм произошел после того, как прогремел мощный взрыв, подбросивший на воздух кусок стены вместе с находившимися на ней защитниками крепости [17, с.140].

Взрыв был сигналом, по которому отдельные отряды устремились в стенной пролом, чтобы затем двинуться внутри крепости по разработанным заранее маршрутам. Уральским казакам предписывалось быть в резерве, но при виде всего происходящего они не смогли устоять и тоже бросились в атаку [17, с.140].

В ходе подготовки к взрыву следовало замерить точное расстояние до стены, дабы взрыв оказался удачным. Сделать это было непросто, поскольку со стен текинцы вели стрельбу, не позволяя приблизиться к ней. Однако уральский казак-офицер, сотник Кунаковсков вместе с уральским казаком из станицы Бородинской Тетиковым под покровом ночи незаметно произвели необходимые замеры, позволившие сделать точный подкоп. Им также помогал унтер-офицер 13-го линейного Туркестанского батальона Константинов. Как только прогремел взрыв, сотник смело бросился в пролом, но сразу же был сражен вражеской пулей, погиб и Тетиков.

Спасаясь, текинцы устремились в направлении священного холма Денгиль-тепе. Но это не помогло; вскоре над ним «развевалось знамя, 3-го батальона ширванцев¹²» [3, с.67].

В своей книге А.Гуляев перечислил всех погибших в ходе той кампании. В ходе боев погибли шестеро: казаки Чуданов, Горшков, Кулагин, Тетиков, Жагулин и сотник Кунаковсков. Ранены были двенадцать: урядник Жерихов, казаки Коновалов, Сармин, Домашнев, Джалдыбаков, Повольнов, Щапов, Калинин, Краснов, Темнов, Курилин и Соболев [3, с.43, 51, 55–57, 61, 69–70]. Половина из них умерла от ран [17, с.140–141].

Казаки, получившие смертельные ранения, понимали, что не выживут, но, при этом, не впадали в отчаяние и вели себя мужественно. Джалдыбаков, казак-татарин, сказал, что испытывает чувство гордости за то, что искупил грех родственников, многие из которых уклонялись от службы (видимо, имея возможность выставляя вместо себя «охотников»). М.Д. Соболев восхищался итогом содеянного. «Какую крепость взяли!» – произнес он, испытывая от своих слов какое-то удовольствие. Сармин, умирая, признался А.Гуляеву, что жалеет лишь об одном: «Жаль, ваше высокоблагородие, мало послужил Царю» [3, с.71]. Радость казаков от победы вскоре серьезно омрачила весть об убийстве царя, приведшая их в

¹² В той кампании участвовали три батальона Ширванского полка, прибывшего с Кавказа вместе с подразделениями кубанских казаков.

состояние уныния [3, с.86–87]. Сотня, участвовавшая в кампании, получила на шапки знаки с надписью «За штурм крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года».

Это была последняя крупная военная кампания с участием уральских казаков. Однако они не покинули Среднюю Азию и продолжали там нести службу. В конечном итоге в Самарканде на постоянной основе стал базироваться один уральский казачий полк, находившийся там вплоть до начала Первой мировой войны. Служившие в нем казаки помогали местному населению бороться с эпидемиями и стихийными бедствиями, но в серьезных военных конфликтах они больше не участвовали.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Л.С.* Дело под Иканом. Рассказ очевидца / Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края (составлен полковником А.Г. Серебrenниковым) // Исторический вестник. 1893. Т.51. №3. С.796–805.
2. *Бер К.М.* Воспоминание о походе уральских казаков против Хивы в начале XVII столетия // Маяк. 1841. №11.
3. *Гуляев А.Л.* Поход на Амударью и в Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск: Войсковая типография, 1888. 82 с.
4. *Даль В.И.* Письма к друзьям из похода в Хиву // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1867. Вып. 1–6. Март. Ст.404–431, 606–639.
5. *Желябужский Е.Д.* Очерки и завоевание Хивы. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1875. 128 с.
6. *Захарьин (Якунин) И.Н.* «Хива: зимний поход в Хиву Перовского» в 1839 году и «Первое посольство в Хиву» в 1842 году. СПб.: Изд. П.П. Сойкина. 1898. 205 с.
7. *Иванин М.* Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1874. 268 с.
8. *Калитин П.П.* Ахал-Текинская экспедиция // Русский вестник. 1890. Т.28. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1890. С.79–112.
9. *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Т.1. Уральск: Войсковая типография, 1911. 1013 с.
10. *Косырев Е.М.* Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // Исторический вестник. 1898. №8. С.537–545.
11. *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография, 1890. 370 с.
12. *Мякушин Н.Г.* Секретная экспедиция уральских казаков (исторический очерк). Уральск: Войсковая типография, 1903. 35 с.
13. *Потто В.А.* О степных походах: публичные лекции, читанные при Оренбургском юнкерском училище в 1872 г. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1873. 128 с.
14. Родословная история о татарах, переведенная на французский язык, с рукописной татарской книги сочинения Абулгачи-Баядур-хана. Т.2. СПб.: Императорская Академия наук, 1768. 480 с.

15. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Изд. 2-е. Оренбург: Тип. Бреслина, 1887. 408 с.
16. Сборник князя Хилкова. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1877. 614 с.
17. Сборник уральских казачьих песен (Собрал и издал Н.Г. Мякушин). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1890. 290 с.
18. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии с картами и планами. Т.1. СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1903. 514 с.
19. Уральские войсковые ведомости (далее – УВВ, еженедельная газета, г. Уральск). 1867. №6.
20. УВВ. 1867. №11.
21. УВВ. 1867. №17.
22. УВВ. 1867. №18.
23. УВВ. 1867. №19.
24. УВВ. 1867. №21.
25. УВВ. 1867. №25.
26. УВВ. 1867. №31.
27. УВВ. 1867. №33.
28. *Хорошихин А.П.* Воспоминания о Хиве // Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. С.-Петербург: типография и хромофотография А.Траншеля, 1876. С.473–483.
29. *Хорошихин М.П.* Геройский подвиг уральцев. Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года. Изд. 2-е. Уральск: Войсковая типография, 1889. 64 с.

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила 28.10.2024

Принята к публикации 12.11.2024

**Participation of Ural (Yaik) Cossacks
in annexation of Central Asia to Russia**

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

The article shows the history of the participation of the Ural (until 1775 – Yaik) Cossacks in military campaigns in Central Asia and in campaigns to conquer it. Yaik Cossacks were the first Russians to make military campaigns in Central Asia. However, both of these campaigns, which took place at the very beginning of the 17th century, ended tragically for the Cossacks. During the reign of Peter I, Yaik Cossacks participated in the Khiva campaign of Bekovich-Cherkassky, but this campaign also ended with the death of the Russian detachment. For most of the 19th century, the Ural (former Yaik) Cossacks took an active part in expeditions to the territory of the Kazakh steppe,

the purpose of which was to explore its territory in order to determine the optimal routes for future campaigns in Central Asia, as well as to select the sites of future steppe fortifications as intermediate points on the route and military support bases. In 1839–1840, they formed a significant (and best) part of General V.A. Perovsky's detachment, although this expedition also failed to achieve its desired goal. In the second half of the 19th century, military campaigns in Central Asia intensified sharply, and eventually this region was included in the Russian Empire. The Ural Cossack hundreds took an active part in all these military campaigns.

Keywords: Ural (Yaik) Cossacks, annexation of Central Asia, Nechai campaign, Khiva campaigns of the Russian army, Ikan affair, Akhal-Teke expedition

For citation: Dubovikov A.M. Participation of Ural (Yaik) Cossacks in annexation of Central Asia to Russia. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.64–82. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.64-82> (In Russian)

REFERENCES

1. Alekseev L.S. The affair near Ikan. An eyewitness account. Collection of materials for the history of the conquest of the Turkestan region (compiled by Colonel A.G. Serebrennikov). *Historical bulletin*. 1893, vol.51, no.3, pp.796–805. (In Russian)
2. Ber K.M. Memories of the Ural Cossacks' campaign against Khiva at the beginning of the 17th century. *Mayak*, 1841, no.11. (In Russian)
3. Gulyaev A.L. *Ural Cossacks' campaign to the Amu Darya and the Tekin Oasis in 1880–1881*. Uralsk: Military printing house Publ., 1888. 82 p. (In Russian)
4. Dal V.I. Letters to friends from a military campaign to Khiva. *Russian archive. Historical and literary collection*. 1867. No.1–6. March. Columns 404–431, 606–639. (In Russian)
5. Zhelyabuzhsky E.D. *Essays and the conquest of Khiva*. Moscow: A.I. Mamonov and Co. Publ., 1875. 128 p. (In Russian)
6. Zakharyin (Yakunin) I.N. *"Khiva: winter campaign to Khiva by Perovsky" in 1839 and "First embassy to Khiva" in 1842*. St. Petersburg: P.P. Soikin Publ., 1898. 205 p. (In Russian)
7. Ivanin M.I. *Description of the winter campaign to Khiva in 1839–1840*. St. Petersburg: "Public benefit" Partnership Publ., 1874. 268 p. (In Russian)
8. Kalitin P.P. Akhal-Tekin expedition. *Russian bulletin*. 1890. Vol.28. St. Petersburg: "Public benefit" Partnership Publ., 1890. Pp.79–112. (In Russian)
9. Karpov A.B. *Urals. Historical essay*. Vol.1. Uralsk: Military printing house Publ., 1911. 1013 p. (In Russian)
10. Kosyrev E.M. Campaign to Khiva in 1839 (From the notes of a participant). *Historical bulletin*. 1898, no.8, pp.537–545. (In Russian)
11. Maksheev A.I. *Historical overview of Turkestan and the Russian offensive movement into it*. St. Petersburg: Military printing house Publ., 1890. 370 p. (In Russian)
12. Myakushin N.G. *The secret expedition of the Ural Cossacks (historical essay)*. Uralsk: Military printing house Publ., 1903. 35 p. (In Russian)

13. Potto V.A. *On the steppe campaigns: public lectures given at the Orenburg cadet school in 1872*. St. Petersburg: Department of Appanages Publ., 1873. 128 p. (In Russian)

14. *Genealogical history of the Tatars, translated into French, from a handwritten Tatar book of the works of Abulgachi-Bayadur Khan*. Vol.2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1768. 480 p. (In Russian)

15. Rychkov P.I. *Topography of the Orenburg province*. 2nd edition. Orenburg: Breslin Publ., 1887. 408 p. (In Russian)

16. *Collection of Prince Khilkov*. St. Petersburg: Panteleev brothers Publ., 1879. 614 p. (In Russian)

17. *Collection of Ural Cossack songs (Collected and published by N.G. Myakushin)*. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ., 1890. 290 p. (In Russian)

18. Terentyev M.A. *History of the conquest of Central Asia with maps and plans*. Vol.1. St. Petersburg: V.V. Komarov Publ., 1903. 514 p. (In Russian)

19. *Uralskyie voiskovyie vedomosti*, 1867, no.6. (In Russian)

20. *Uralskyie voiskovyie vedomosti*, 1867, no.11. (In Russian)

21. *Uralskyie voiskovyie vedomosti*, 1867, no.17. (In Russian)

22. *Uralskyie voiskovyie vedomosti*, 1867, no.18. (In Russian)

23. *Uralskyie voiskovyie vedomosti*, 1867, no.19. (In Russian)

24. *Uralskyie voiskovyie vedomosti*, 1867, no.21. (In Russian)

25. *Uralskyie voiskovyie vedomosti*, 1867, no.25. (In Russian)

26. *Uralskyie voiskovyie vedomosti*, 1867, no.31. (In Russian)

27. *Uralskyie voiskovyie vedomosti*, 1867, no.33. (In Russian)

28. Khoroshkhin A.P. *Memories of Khiva. Collection of articles concerning the Turkestan region*. St. Petersburg: A. Transhel Publ., 1876. Pp.473–483. (In Russian)

29. Khoroshkhin M.P. *Heroic feat of the Urals. The affair near Ikan on December 4, 5 and 6, 1864*. 2nd edition. Uralsk, 1889. 64 p. (In Russian)

About the author:

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Received October 28, 2024

Accepted for publication November 12, 2024